
Александр Макарьев
КУКИ
Дневник рыжей кавапу
Дневник / Путешествия / Юмор
LITRES

Александр Макарьев

Куки. Дневник рыжей кавапу

https://litres.ru/74888563
SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом ирландском предместье под Бантри, в арендованном доме с видом на зеленые холмы, живет большая семья: три поколения женщин и один уцелевший мужчина. Мама Нина, архитектор из Корка, решает, что трем девочкам-подросткам (старшим близнецам Алёне и Алисе, заканчивающим школу, и 12-летней Саше) жизненно необходим «эмоциональный якорь» — щенок породы кавапу по имени Куки. Мудрая бабушка Ира наблюдает за этим философски.

Но Куки быстро понимает, что ее завели не для порядка, а чтобы этот порядок спасать. От лица рыжей, постоянно ворующей носки собаки мы видим жизнь украинской семьи в Ирландии изнутри: экзамены, подростковые бури, поиск себя, переезд в другую страну, запах торфа, морской бриз Атлантики и безусловную любовь. Куки становится тем самым центром притяжения, который укрепляет семью, доказывая, что самые сложные жизненные вопросы можно решить только на основе нежности и юмора.

Александр Макарьев
Куки. Дневник рыжей кавапу

КУКИ

Дневник рыжей кавапу

Александр Макарьев

В тихом ирландском предместье под Бантри, в арендованном доме с видом на зеленые холмы, живет большая семья: три поколения женщин и один уцелевший мужчина. Мама Нина, архитектор из Корка, решает, что трем девочкам-подросткам (старшим близнецам Алёне и Алисе, заканчивающим школу, и 12-летней Саше) жизненно необходим «эмоциональный якорь» — щенок породы кавапу по имени Куки. Мудрая бабушка Ира наблюдает за этим философски.

Но Куки быстро понимает, что ее завели не для порядка, а чтобы этот порядок спасать. От лица рыжей, постоянно ворующей носки собаки мы видим жизнь украинской семьи в Ирландии изнутри: экзамены, подростковые бури, поиск себя, переезд в другую страну, запах торфа, морской бриз Атлантики и безусловную любовь. Куки становится тем самым центром притяжения, который укрепляет семью, доказывая, что самые сложные жизненные вопросы можно решить толь-

ко на основе нежности и юмора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Как всё задумывалось и как всё обернулось на самом деле

Часть I. Паспорт цвета пастилы, или Как захватить Ирландию без единого выстрела

Глава 1. Восемь комнат, один гектар травы и другие неизведанные территории

Глава 2. Стратегические тайники и парфюмерия

Глава 3. Утренняя драма с отъездом и великое оскорбление

Глава 4. Ночь с манекенами, или Как я пыталась перекроить архитектуру

Глава 5. Галерея застывших людей, или Мои ночные споры с искусством

Глава 6. Высокое искусство глазами мохнатого критика

Часть II. Большая политика прихода и дипломатические тайны

Глава 7. Час проверки калитки, или Большая политика за каменной оградой

Глава 8. Дипломатический иммунитет, или Как я проверяла пределы человеческой любви

Глава 9. Ресторан «У Бабушки Иры», или Почему наглость птиц превышает наглость котов

Глава 10. Механический дракон на микроавтобусе,

или Каждые две недели — конец света

Глава 11. Социальная сеть по-ирландски, или Как собака делает репутацию семье

Глава 12. Рыцарь в твидовом пальто, или Как Патрик захватил театральный фронт

Глава 13. Туман над Мизен-Хедом, мост над бездной и великое кроличье царство

Глава 14. Майкл, штабной график и кавалерийские амбиции Саши

Глава 15. Протокол гостеприимства, или Почему двери нашего корабля никогда не закрываются

Часть III. Шторма, бури и семейные сокровища

Глава 16. Соратница по преступлениям, или Почему я сплю с Сашей

Глава 17. Музыкальное образование и саксофонный вандализм

Глава 18. Дело о мертвом айфоне, или Как я победила высокие технологии

Глава 19. О чем молчат на диване

Глава 20. О дипломатическом холоде, или Почему я игнорирую Алису

Глава 21. Салон высшего света у Алёны, или Почему подростки — лучшие соседи по кровати

Глава 22. Две хулиганки в законе, или Наша ночная смена

Глава 23. Протокол Мамы Нины, или Как заставить

архитектора заметить собаку

Глава 24. Патриарх и мировой литературный процесс, или Наш обязательный марафон по оврагам

Глава 25. Ночная буря, или Как я спасала семейный корабль от Атлантики

Глава 26. Высокая политика на поводке, или Как делегировать свои обязанности

Глава 27. Таинственный гость в саду, или Мое великое поражение

Глава 28. Великое молчание, или Как спасать девчонок от невидимых монстров

Глава 29. Столкновение двух стихий, или Как спасать художников от разбитых амбиций

Глава 30. Великое озерное купание, или Почему суша — лучший друг кавапу

Часть IV. Рождество на краю Атлантики

Глава 31. Ночь тыквенных голов, или Как я спасала дом от ирландских духов

Глава 32. Предновогодняя инспекция, или Как мы спасали праздничную ёлку от лесного диверсанта

Глава 33. Десант Томы, или Вторжение с большой земли

Глава 34. Новогоднее чудо, или О чем мечтает главный инспектор графства Корк

Часть I. Паспорт цвета пастилы, или Как захватить Ирландию без единого выстрела

Глава 1. Восемь комнат, один гектар травы и другие неизведанные территории

Если вы думаете, что жизнь собаки начинается с миски и мягкой лежанки, вы глубоко заблуждаетесь. Моя жизнь началась с бумаги. Точнее, с ветеринарного паспорта пастельно-розового цвета, куда была вписана моя гордая порода — помесь кавалер-кинг-чарльз-спаниеля и миниатюрного пуделя или, сокращённо кавапу — и длинный ряд цифр, означавший мой индивидуальный штрих-код.

Мой родной питомник находился в тихом, но очень унылом месте. Из развлечений там были только деревянные поддоны, бесконечный лай соседей-алабаев и мой рыжий братишка, с которым можно было перебросится парой фраз.

Братишка был философом. Пока остальные щенки носились по вольеру, пытаясь перекусить собственные хвосты или загрызть хозяйский ботинок, мы с ним сидели в углу и занимались главным делом жизни — наблюдением.

— Как думаешь, — зевая, говорил он мне, притираясь теплым боком, — за нами приедут? Или нас так и оставят охранять эти поддоны до полного превращения их в антиквариат?

— Приедут, — авторитетно заявляла я, выковыривая носом соломинку.

— Нормальные двуногие не могут долго жить без рыжего совершенства. Им просто нужно время, чтобы созреть. Братишка вздыхал так тяжело, что у него подрагивали уши, и

укладывался мордой на лапы.

— Послушай, сестра, а что такое вообще «дом»? — шепотом продолжал он, глядя в пространство философским взглядом старого сенбернара.

— Вот папа-пес говорил, что где-то за забором есть мир, где еду не надо выгрызать из миски по расписанию, где у каждого уважающего себя кавапу есть личный диван, мягкий, как облако, и где не нужно спать кучей, согревая друг друга от сырости. Тебе не кажется, что это сказки? Миф для успокоения подрастающего поколения?

— Нет, это не миф, — возражала я, слегка толкая его носом в бок, чтобы не раскисал. — Это логика. Посмотри на наши лапы. Разве эти бархатные подушечки созданы для того, чтобы месить грязь под дождем? Очевидно же, что они предназначены для хождения по паркету и коврам. Просто двуногие всегда долго запрягают.

— А вдруг, — в глазах братишки нелжиданно мелькнула глубокая тоска, — когда они приедут, им нужен будет только один из нас? Что тогда? Разве можно делить наше рыжее совершенство надвое?

Я замерла, чувствуя, как внутри шевельнулось что-то колючее. Мысль о разлуке была неприятной, острой, как еловая иголка. Но, долго предаваться меланхолии в питомнике было не принято, — инстинкт выживания и гордость требовали держать хвост пистолетом.

— Глупый ты, — фыркнула я, задирая нос. — Настоя-

щие шедевры поодиночке не берут. Если за нами приедут, то только в комплекте. А если кто-то попытается забрать только одного… ну, тогда я покажу ему такой ультразвуковой гав, от которого у него уши завянут.

Братишка только тихонько хмыкнул, а его хвост качнул пару соломинок, и на мгновенье в нашем холодном углу стало почти уютно.

— Ладно, — согласился он, жмурясь от подкрадывающегося сна. — Убедила. Но если этот идеальный двуногий все-таки приедет, я первым займу лучшее место на диване. Чисто из исследовательских соображений.

— Посмотрим еще, кто кого опередит, — думала я, засыпая рядом и слушая, как за оградой шумит бесконечный ирландский ветер, уносящий наши маленькие щенячьи тревоги в большое будущее.

А в это самое время, в одном доме, находящимся за много километрах от нас, в противоположном конце графства Корк, всё было погружено в суету. Мама Нина усадила в машину своих старших дочерей — Алёну и Алису (у них был законный статус главных выборщиков). Младшая же Саша, в это время гостила у подруги, и напрочь забыла, что в графстве Корк сегодня состоится историческое событие.

Дорога была не близкой. И вот, наконец, Гугл навигатор сообщил, что они у цели. Ворота питомника распахнулись, и на горизонте показалась целая делегация. Люди пахли чем-то незнакомым, но вкусным. Я сразу поняла, что это те са-

мые, которые созрели. Да, это были Мама Нина и две девочки. Они ходили между вольерами, заглядывали во все клетки, и на их лицах отражалась вся гамма человеческих сомнений. Братишка тут же сделал вид, что он очень грозный сторожевой пес, потом упал на спину и замахал лапами в надежде, что его примут за медведя.

Я же применила тяжелую артиллерию. Я села у решетки, сложила лапки домиком, включила режим «испанский гранд» на максимум и посмотрела на старших девочек так, будто они были моим единственным смыслом жизни последние сто лет.

Алёна ахнула. Алиса замахала руками.

— Мама, смотри! Она же вылитая плюшевая игрушка! — разнесся по двору триумфальный крик.

Всё было решено. Перед тем как меня окончательно извлекли из привычной клетки, я успела бросить на прощание быстрый взгляд на своего рыжего брата. Он уже перестал изображать «свирепого медведя» и смотрел на меня с философским спокойствием, в котором отчетливо читалась легкая зависть к первооткрывателю.

— Ну что, мыслитель, я пошла инспектировать диваны, — мысленно шепнула я ему, очутившись в руках Мамы Нины.

— Передавай им привет, — махнул он хвостом. — И смотри, не забудь вернуться, если окажется, что в у них в доме нет лишнего дивана.

— Обязательно, — мысленно фыркнула я, прежде чем меня аккуратно сунули в пахнущую новыми путешествиями коробку и погрузили в машину. Мы ехали туда, где, по слухам, трава зеленее, овцы умнее, а дожди идут строго по расписанию — в графство Корк, к подножию зеленых холмов Бантри.

Дорога была почти бесконечной. Сначала асфальт вился между изумрудными холмами, усыпанными овечьими пятнами, но чем дальше мы углублялись на юг, тем строже становился пейзаж. Дорожки сузились настолько, что каменные изгороди и мохнатые заросли фуксии казалось, норовили заглянуть прямо в окна машины. Ирландское небо то хмурилось свинцовыми тучами, грозя пролиться на лобовое стекло очередной порцией дождевых капель, то вдруг распахивалось ослепительными просеками синевы, подсвечивая зеркальную гладь далеких озер и крутые склоны, где ветер вечно гнул вереск.

Я, устроившись на заднем сиденье в качестве главного наблюдателя, ловила носом каждый срез воздуха — пахло, то мокрой хвоей, то соленой океанской свежестью с побережья, то той особенной, древней землей, которая помнила шаги кельтов и копыта римских коней. Машину покачивало на ухабах, шины шуршали по влажному асфальту, а старшие выборщики напряженно вглядывались в навигатор, обсуждая, не свернули ли мы в очередной тупик к чьим-то заброшенным усадьбам. Но я мужественно перенесла это серьёз-

ное испытание, практически ни разу не заскулив. И вот, наконец, Мама наклонилась и тихо произнесла:

– «Ну, всё, дорогая. Теперь это будет твой дом».

А дома… дома ждал сюрприз для Саши, которая вернулась из гостей и обнаружила, что пока ее не было, в доме завелся рыжий партнёр по играм и похититель носков.

— Что есть дом? В моём представлении дом это должна быть такая большая клетка, намного больше, чем у Алабая. Но нет, это оказалось нечто совершенно другое. Это было нечто, похожее больше на корабль. Два этажа, лестница, капитанский мостик наверху, восемь комнат, множество дверей и окон, веранда с панорамными окнами от пола до потолка. В доме жили шестеро людей. Для одной маленькой собаки весом чуть больше полу килограмма это была огромная территория.

Меня бережно вынули из коробки и положили на плед, чтобы ногам моим не было холодно. Не правда ли, странное обращение. Затем прошло короткое шумное семейное совещание в сокращённом составе, и мне провозгласили вердикт. Отныне имя твоё будет Куки. И это будет твоя семья, и задача твоя — побыстрее к нам привыкнуть.

Но прежде чем по-настоящему обрести дом, мне пришлось пройти ещё через одно страшное испытание — собачью клинику. О, это место создано для того, чтобы подорвать веру в гуманизм! Белые кафельные стены давили на психику с высоты двух метров, а жуткий запах спирта и страха витал

под потолком. Двуногие называют это «профилактическим осмотром», но мы-то, собаки, знаем, что реально это филиал инопланетной лаборатории.

Сначала меня взвесили на каких-то холодных весах (минус пара граммов из-за стресса никто, конечно, не компенсировал). Потом тетя в белом халате залезла мне в пасть, посчитала зубы, заглянула в уши и, наконец, вынесла вердикт: «Собака абсолютно здорова, наглость в пределах нормы».

Кульминацией вечера стал укол. Я даже не пискнула — я просто посмотрела на Маму Нину таким взглядом, что та немедленно дала мне специальную сушеную утиную полоску, и всю дорогу до дома гладила по голове, шепча: «Ну, всё, моя девочка, всё позади, мы едем домой». На прощание врачи выдали мне какой-то сертификат, хотя никто их не просил об этом. На этом ужасы закончились.

Глава 1. (продолжение)

Моя главная задача уточнилась в первые же дни моего пребывания в доме: спасать этот мир от уныния.

Порядок, по мнению людей, — это когда все сидят по комнатам перед прямоугольными экранами и вздыхают. Дедушка вечно стучит по клавишам и бормочет что-то про «литературных агентов», Мама Нина строит сложные схемы архитектурных проектов или рисует портреты друзей и знакомых, старшие близнецы Алёна и Алиса переживают из-за школьных экзаменов, а младшая Саша ищет приключения.

Для решения этой задачи существует прекрасное сред-

ство — рушить безжалостно этот застоявшийся порядок.

В первый же вечер я совершила свою первую стратегическую вылазку. Пока Дедушка пытался обустроить мне идеальную лежанку (он возился с ней битый час, пристраивая и выравнивая её по уровню, чтобы мое царское ложе стояло идеально ровно относительно холмов за окном), я сидела рядом, контролировала процесс и деликатно погрызывала лежавшую без дела отвертку.

— Вот, Куки, это твой диван, — гордо сказал Дедушка, презентуя мне мягкое сооружение с бортиками, больше похожее на гнездо большой хищной птицы.

Я подошла, обнюхала его, легла, демонстративно вздохнула… и тут же пошла проверять, куда они спрятали мусорное ведро и нет ли бесхозных носков в прихожей. Потому что замки замками, а порядок (и легкий беспорядок для баланса Вселенной) сами себя не наведут. Выбор пал на правый шерстяной носок Дедушки. Нет, он не был съеден! Боже упаси, я не варвар. Он просто проходил у меня во рту процедуру глубокой ароматической санации.

Когда пропажа обнаружилась, разнесся утренний басовитый стон:

— Где же мой второй носок, чёрт побери? Я точно клал их парой!

Я сидела в кресле, сделав максимально честные глаза, и старалась чтобы похищенный носок не выглядывал из под моей рыжей шкурки. Мама вздохнула, заглянула в гостиную

и автоматически посмотрела на мой стратегический схрон.

— Куки… — строго сказала она. — Опять?

Я сделала шаг вперед, виляя не только хвостом, но и всей задней половиной туловища в режиме «максимального раскаяния». Мама наклонилась, извлекла из-под меня носок и вздохнула:

— Ну, вот как с ней ругаться?

Победа! В этом и заключается суть кавапу-дипломатии. Ты можешь утащить самую нужную вещь в доме, но стоит тебе посмотреть на человека влажными глазами испанского гранда — и все обвинения снимаются. Но на самом деле носки — это не воровство. Это моя работа.

Итак, я уже точно знала: эта крепость взята. Осталось только научить двуногих правильно прятать носки и вовремя выдавать мне кусочек сыра.

Если честно, когда мы впервые приехали к нашему новому дому в предместьях Бантри, у меня возникли серьезные вопросы к масштабам мышления моих двуногих. Шесть человек — это уже перебор для одной собаки. Но дом? Восемь комнат! Восемь! Зачем одному дому столько дверей, стен и углов, в которых подозрительно свистит сквозняк?

В первые же дни я стала проводить полную инспекцию вверенной мне территории. Дом оказался довольно добротным, просторным, пахнущим застарелым деревом, маминными книгами и каминной сажей. В нем было три гостиные (зачем три? видимо, чтобы в каждой можно было устроить по

схрону для носков). Бесконечные коридоры и лестницы, которые скрипели так, будто под ними прятался древний ирландский лепрекон. Моя любимая точка обзора сразу обнаружилась на втором этаже, на широком подоконнике, откуда открывался идеальный вид на влажные зеленые холмы. Там можно было часами медитировать, наблюдая, как дождь сменяется туманом, а туман — снова дождем.

Но настоящая гордость нашего землевладения находилась снаружи. Около гектара зелёного газона! Вы вдумайтесь в эту цифру. Гектар травы, деревьев и свободы для нескольких килограммов рыжей шерсти. Трава в Ирландии — это отдельный вид безумия. Она не растет — она захватывает мир. Хозяева называют её «ухоженной», но я-то знаю, что по ночам она шепчется с атлантическим ветром и пытается отрасти снова быстрее, чем регулярно приезжающий косильщик успевает выкашивать её под корень своей жужжащей газонокосилкой.

Сам участок был окаймлён старыми деревьями, которые грозно шумели ветками при каждом штормовом порыве, создавая ощущение, что мы живем внутри старинной сказки Братьев Гримм. Только с ирландским акцентом.

А еще у нас были грядки. Маленькие, аккуратные квадраты земли на пригорке, где земля не успевала излишне переувлажняться. Это Дедушка гордо называл «наш огород». Там планировалось выращивать зелень для стола — петрушку, укроп, базилик и прочие листочки, которые люди поче-

му-то добавляют в еду вместо того, чтобы просто съесть кусок нормальной говядины.

Для меня эти грядки сразу приобрели сакральный смысл. Во-первых, свежевскопанная земля пахла так божественно, что устоять перед соблазном «освежить» в ней лапы было невозможно. Во-вторых, именно там происходили самые важные археологические раскопки: то дождевой червяк вылезет поздороваться, то затеряется старый садовый совок.

Помню, в первую же неделю я решила помочь Дедушке с посадкой салата. Как только он отвлёкся на телефонный звонок по своему писательскому проекту, я быстро и аккуратно перекопала носом половину грядки с петрушкой, извлекая на свет только что засеянные семена, и всё, что там ещё было.

Когда Дедушка вернулся и увидел мои художества, (на грядке четко отпечатались следы четырех моих лап), он схватился за голову:

— Куки! Это же для салата!

Я села рядом, сделала максимально независимое лицо и зевнула. Мол, дорогой мой хозяин, ты же сам хотел зелени к столу? Ну, вот я и ускорила процесс всхожести. Какой с меня спрос, я же кавапу, а не агроном.

Зато после таких трудов праведных было невероятно приятно валяться на этой самой ухоженной траве, подремывать, чувствуя, как теплый ветер треплет уши, а где-то вдалеке, за живой изгородью, монотонно блеют ирландские овцы, неиз-

менно подтверждая: мир огромен, в нем много травы, но порядок в нем держится исключительно на мне.

Глава 2. Из дневника Куки: Стратегические тайники и парфюмерия

Если старшие близнецы — Алёна и Алиса — думали, что, разделившись по разным комнатам, они смогут держать свои секреты под замком, то они просто недооценивали потенциал рыжего кавапу.

У девочек были отдельные владения. У каждой — уютная кровать (высокая, мягкая, созданная для того, чтобы запрыгивать на нее с разбегу), шкафы, рабочие столы для школьных мук и отдельные территории для парфюмерии.

О, этот мир флаконов пахнул невероятно! Человеческая логика загадочна: зачем брызгать на себя жидкостью с ароматом ванили или диких ягод, если можно просто изваляться в скользкой вонючей жиже на прогулке? Но я уважала их ритуалы. Я стойко терпела, когда Алёна и Алиса надушатся своими баночками, и весь второй этаж благоухал так, будто там устроили кондитерскую фабрику. Иногда я даже аккуратно вылизывала капельки духов с крышечек флаконов, оставленных на краю стола, после чего ходила по дому с гордым видом французского пуделя (хотя по паспорту я микс).

Но главное в их комнатах — это, конечно, кровати и телевизор.

Установленное правило дома гласило: «Куки на кровати не пускать». Правило это, слава Богу, никто и не думал ис-

полнять. Моя пушистая тушка служила лучшим в мире пледом и антистрессом.

У Алёны напротив кровати висел большой телевизор. Для меня это было окно в параллельную реальность. Когда Алёна уходила в школу, а телевизор оставался включенным на каком-нибудь канале про дикую природу, я устраивала себе персональный кинотеатр. Я запрыгивала на ее кровать, укладывалась головой на подушку (желательно ту, что пахнет Алёниными духами), смотрела на бегающих по экрану антилоп и тихонько подлаивала, если лев подбирался слишком близко.

Правда, после моих кинокритических сеансов на покрывале оставалась пара рыжих шерстинок, но разве это цена за приобщение подростка к высокому искусству кино?

А вот комната Алисы — это отдельная история. У Алисы на рабочем столе всегда царил творческий порядок: тетради, маркеры и, главное, стикеры. Разноцветные липкие бумажки с напоминаниями.

Я быстро поняла, что стикер — это идеальный трофей. Он легкий, шуршит и отлично держится во рту. Моя тактика была безупречна: я тихо заходила к Алисе, пока та увлеченно красила ресницы у своего зеркала с парфюмом, незаметно подкрадывалась к краю стола, аккуратно снимала зубами розовый стикер с надписью «Сдать физику до среды» и гордо уносила его в свое гнездо в гостинной.

Когда Алиса обнаруживала пропажу и театрально воскли-

цала: «Куки, опять?! Где моя физика?!», я сидела на ее кровати, свесив лапы, и смотрела на нее чистейшими, честнейшими глазами. Физика? Какая ещё физика? Я спасаю тебя от скучной науки, дурочка! Бери духи, брызгайся и иди пить чай с тортом.

В общем, раздельные комнаты близнецов не стали для меня препятствием, а двумя новыми филиалами моего личного королевства, где всегда можно было найти теплый матрас, вкусно пахнущий флакончик или бесхозный носок.

Из дневника Куки: Утренняя драма с отъездом и великое оскорбление

«Утро в нашем доме под Бантри — это время масштабной миграции. Все куда-то бегут, шуршат куртками, ищут ключи и проверяют рюкзаки. Мама Нина собирается в свой Корк, все девочки спешат на учебу, а Бабушка провожает их у крыльца.

В этот момент я нацепляю на себя выражение лица абсолютной готовности к путешествиям. Я кручусь у открытой дверцы машины, заглядываю в салон, ставлю передние лапы на порог и изо всех сил транслирую во Вселенную одну простую мысль: «Я еду с вами. Куда угодно — в школу, в Корк на экскурсию, или просто смотреть в окно на овец». Я честно верю, что на этот раз они возьмут меня по ошибке, и я спасу их от какой-нибудь потери в этом большом и опасном мире.

Но машина заводится. Дверца закрывается. Чуда не происходит.

И тогда я издаю свой самый громкий, раскатистый, исполненный глубочайшей скорби и мировой несправедливости лай. Чтобы все соседи на холме знали: рыжую собаку оставили на хозяйстве против ее воли!

Выдержав паузу, я гордо задираю хвост, игнорирую любые попытки утешения и с независимым, оскорбленным видом шествую в свое гнездо. Моя кровать — это настоящее фортификационное сооружение, мягкое и глубокое, куда я сгребаю все трофеи и украденные носки. Я сворачиваюсь там калачиком, тяжело вздыхаю носом, показывая всем своим видом, что я обижена как минимум до обеда.

Ну, а через полчаса, когда дом затихает и остается только бабушка Ира со своим хозяйством, я, конечно, прощаю их всех. Но утренний ритуал оскорбления — это святое!»

Из дневника Куки: Ночь с манекенами, или Как я пыталась перекроить архитектуру

Если вы думаете, что манекены на Маминой застекленной веранде — это просто бездушные пластиковые болванки для примерки юбок и новогодних костюмов, то вы абсолютно ничего не смыслите в мистике и собачьей дипломатии.

Когда меня только привезли в этот огромный дом с восемью комнатами, я еще не до конца усвоила местную топографию и правила хорошего тона. Мой внутренний компас подсказывал, что идеальное место для уединенных размышлений и ликвидации последствий переедания утиных лакомств должно быть тихим, изолированным и пахнуть чем-то гран-

диозным.

Застекленная веранда подошла идеально. Ночью там стояла абсолютная тишина, лунный свет заливал пол через панорамные стекла, а в углу высились три таинственных силуэта.

В первое же утро я решила, что эти трое молчаливых товарищей без голов и рук — самые странные собаки, которых я когда-либо встречала. Они не лаяли, не виляли хвостами, стояли на одной ноге и были одеты в какие-то подозрительные серые чехлы. Посчитав их частью интерьера общего пользования, я сделала то, что положено делать любому порядочному щенку, оказавшемуся на новой территории: оставила на полу веранды маленькую, но очень гордую лужицу прямо у подножия главного манекена (я прозвала её «Мадам Помпадур», потому что на нее Мама вешала выкройки будущих платьев).

Чуть позже раздался истерический вопль Мамы Нины.

Она ворвалась на веранду с чашкой кофе, поскользнулась, чудом удержала равновесие, замерла над моим шедевром, а потом посмотрела на меня. Я сидела на коврике, наклонив голову набок, и всем своим видом изображала недоумение: «Мам, ну а что они стоят тут в темноте, пугают честную собаку? Я просто обозначила границы суверенной территории!»

С тех пор между нами и манекенами установился вооруженный нейтралитет.

Постепенно веранда перестала быть моим туалетом (для

этого нашлось куда более удобное место — сначала человеческий туалет, а потом бесконечные гектары ирландской травы на улице). Но затем она превратилась в зону повышенной психологической нагрузки. Днем Мама наряжала этих безмолвных монстров в роскошные яркие одеяния, пришивала к ним блестящие крылья феи, оборачивала мишурой и ставила вокруг них картонные замки.

Представляете, каково это — пытаться вздремнуть на солнышке, когда в пяти сантиметрах от тебя стоит полутораметровый пластиковый торс в короне из новогодней мишуры и смотрит на тебя пустыми глазами? Я периодически подходила к Мадам Помпадур, осторожно обнюхивала ее пластиковый подол и тихонько рычала: «Я слежу за тобой, пластиковый товарищ. Если ты шевельнешься — я позову Дедушку».

Манекены, конечно, не шевелились. Зато они наблюдали за тем, как Мама создает свои шедевры, как я ворую у них всякие мелочи для своих игр, и как постепенно наша большая семья обживает этот дом.

Из дневника Куки: Галерея застывших людей, или Мои ночные споры с искусством

…Но если днем веранда была эпицентром творческого хаоса, рулонов парчи и блестящего люрекса, то вечером она превращалась в нечто гораздо более загадочное.

Дело в том, что Мама Нина не просто рисовала — она лепила странные фигуры и писала портреты. И вся ее застекленная веранда, от пола до подоконников, была буквально

заставлена ими. Везде, где только оставалось свободное пространство, располагалось множество портретов и скульптур её знакомых — художников, поэтов, соседей и странных личностей из прошлой жизни.

Там были гипсовые головы с отрешенными взглядами, глиняные бюсты с надменными носами, тяжелые бронзовые профили и холсты, с которых на тебя со всех сторон смотрели нарисованные глаза.

Для килограммовой рыжей собаки это было серьезным испытанием нервной системы.

Представьте картину: поздний вечер, дом погружается в сон, в камине потрескивают дрова, а я выхожу на веранду попить воды. Лунный свет сочится через панорамные стекла, и в этой полутьме на меня со всех сторон таращатся десятка два застывших лиц. Кто-то улыбается с холста кривой улыбкой, кто-то смотрит с гипсового пьедестала с суровым осуждением, а чей-то глиняный нос торчит прямо из коробки с обрезками ткани.

В первые недели я устраивала им вечернюю проверку. Я медленно обходила веранду, высоко поднимая лапы, чтобы не дай бог не потревожить духов искусства, подходила к ближайшему глиняному бюсту (я звала его дядя Бодя, потому что у него были такие же торчащие уши, как у нашего соседа) и делала контрольный «гав».

Дядя Бодя, разумеется, не отвечал. Он продолжал молчаливо хранить свои тайны.

Тогда я разворачивалась к нему спиной, с триумфальным видом запрыгивала на свое любимое кресло, сворачивалась калачиком и думала о том, что люди — странные существа. Вместо того, чтобы завести нормальных живых друзей, которые могут поделиться куском сыра или хотя бы побегать за мячиком, они лепят из глины копии друг друга, расставляют их по углам и заставляют меня делить с ними жилплощадь.

Но постепенно я привыкла к этой компании молчаливых наблюдателей. Более того, когда в доме становилось слишком шумновато от подростковых бурь старших близнецов или Дедушкиных творческих депрессий, я уходила на веранду, садилась посреди этой портретной галереи и смотрела в темные окна на влажные холмы.

Застывшие лица вокруг словно говорили мне: «Не переживай, Куки. Люди приходят и уходят, спорят из-за носков и сдают экзамены по физике, а искусство и собачья преданность — вечны».

Из дневника Куки: Высокое искусство глазами мохнатого критика

Если вы думаете, что собаку могут заинтересовать исключительно миска с кормом, закопанная во дворе кость и степень свежести чужого носка, вы глубоко заблуждаетесь. Живя в доме, где Мама Нина без устали пишет картины, лепит бюсты и мастерит костюмы для новогодней самодеятельности, волей-неволе начнешь разбираться в прекрасном.

С точки зрения двуногих, живопись — это гармония цве-

та, холст и рама. С точки зрения кавапу, живопись — это сплошной обман зрения. Мама может часами стоять перед мольбертом, делать сосредоточенное лицо и водить кистью до тех пор, пока на белом полотне не появится мокрое пятно, постепенно превращающееся в зеленый холм или удивленную овцу. Я неоднократно подходила к мольберту с инспекцией и с помощью лингвистического анализа пыталась определить состав красок — ну вдруг там замаскирован паштет? Увы. Акрил на вкус сух, горек и совершенно лишен духовности. Зато аромат в мастерской стоял потрясающий: густая смесь масла, растворителя и чистейшего вдохновения. Когда картина подсыхала, от нее пахло так, будто кусок холста только что вернулся с прогулки под проливным дождем.

Со скульптурой всё обстояло куда сложнее — это был настоящий психологический террор в трех измерениях. Зачем тратить недели на то, чтобы вылепить из глины или гипса точную копию соседа с его горбатым носом, а потом расставлять эти застывшие физиономии по углам веранды? Я долго размышляла над этой загадкой и пришла к выводу, что скульпторы — это просто очень ленивые боги. Им лень создавать живого человека со всеми его достоинствами, блохами и способностью делиться сыром, вот они и лепят болванки. Правда, был в этом и плюс: от глиняного бюста дяди Боди никогда не пахло едой, зато он молчаливо терпел, когда я занимала его любимое кресло на солнышке.

Ну а венец человеческого безумия — это, конечно, театр.

Поскольку веранда регулярно превращалась в мастерскую по созданию костюмов для лесных фей и новогодних персонажей, мне приходилось лично инспектировать рулоны переливающейся парчи, блестящий люрекс и картонные крылья. Зачем нормальному человеку добровольно наряжаться в блестящую мишуру и пришивать к плечам перья? В обычной ирландской жизни и так хватает драмы! Но когда наступал вечер премьеры, и весь дом начинал суетиться, примерять маски и репетировать реплики с выражением, я начинала проникаться этим балаганом. Театр нужен людям ровно для того же, для чего мне нужны носки: чтобы выпустить пар, нарушить скучные правила и хоть на час поверить, будто мир устроен чуточку волшебнее, чем кажется из окна архитектурного бюро.

И когда Мама, уставшая, с мазками краски на носу и блестками в волосах, наконец, падала в кресло, я подбегала, аккуратно клала голову ей на колени и тяжело вздыхала. Великая постановка под названием «Наша жизнь в Ирландии» шла без единой репетиции, но каждый день — с неизменным аншлагом. А я в ней исполняла роль главного режиссера по хаосу и неподкупного художественного критика.

Из дневника Куки: Час проверки калитки, или Большая политика за каменной оградой

В тот день, когда мы с Дедушкой как раз обсуждали мою ключевую роль в мировом литературном процессе, в дверь тихо постучали. Точнее, это постучалась я. Сначала носом,

потом когтями, а затем издала тот самый низкий звук инспектора санитарной службы, который ни один уважающий себя писатель в здравом уме игнорировать не может. Литература литературой, но геополитика прихода сама себя не проверит.

Погода в Западном Корке — дама с тяжелым характером: если с утра не идет дождь, значит, он собирается пойти прямо сейчас. Но для настоящего инспектора это не помеха. У меня имелось чёткое расписание обхода нашей территории. Овцы на соседнем холме сами себя не пересчитают, а свежий след рыжего соседского кота на границе участка требовал немедленного криминалистического анализа.

Дедушка тут же бросил свои мучения над текстом, вздохнул с облегчением человека, спасенного от очередного отказа британских издательств, и пошел открывать. Конечно пошел! Разве может настоящий архитектор человеческих судеб отказать рыжей булочке, у которой на усах висит пара капель чистейшей атлантической росы?

Мы вышли на крыльцо. Воздух пах мокрой травой, прелым торфом и абсолютной свободой. Вообще, сельская жизнь в Ирландии устроена по своим, сугубо философским законам. Стоило нам выйти за калитку, как на узкой дороге (здесь такие называют boreen — дорожка, где разъехаться могут разве что два отважных велосипедиста) показался наш местный сосед, мистер О'Салливан на стареньком тракторе Massey Ferguson. В любой другой стране водитель проехал

бы мимо. Но только не здесь! Трактор затормозил, мотор заурчал тише, и начался обязательный ритуал ирландской вежливости.

— Свежо сегодня, Денис! — крикнул Дедушка.

— О да, дождичек собирается где-то над заливом, но к трем часам, глядишь, и раздует! — авторитетно ответил фермер, приподняв кепку. Я в это время делала вид, что меня абсолютно не интересует его трактор, но сама бдительно инспектировала передние колеса на предмет налипшей деревенской грязи — лучшего сувенира для собачьего носа. Проводив трактор взглядом полного превосходства, мы двинулись дальше вдоль древней каменной изгороди, сложенной без единого раствора. Из-за кустов фуксии на нас тут же уставилась пара коровьих глаз. Местные коровы — это отдельная философская школа. Они обладали потрясающей способностью часами стоять неподвижно, жуя жвачку с таким выражением вселенской скорби на мордах, будто им лично зачитывали квартальный налоговый отчет. Я всегда считала своим долгом подойти к проволочному заграждению, сделать строгое «Уф!» и напомнить этому рогатому мыслителю, кто здесь главный по охране лужаек. Коровы на это обычно никак не реагировали, лишь лениво переступали копытами.

Сделав три круга по мокрой лужайке, проверив, не вырос ли за ночь новый куст, о который так приятно потереться щекой, я посмотрела на Дедушку снизу вверх, взглядом го-

ворящим: «Ладно, иди, пиши свои гениальные романы, человек. Но помни: единственная связь этого дома с реальным миром здесь всё ещё держится на моих лапах».

Дедушка улыбнулся, потрепал меня за ухо и заговорщицки произнес:

— Ну что, инспектор, проверили владения? А теперь — марш на кухню, пока Староста не заметила, что мы вывели ее измором.

И мы чинно семенили обратно. Потому что, какая же ирландская деревня без заслуженного кусочка сыра?

Из дневника Куки: Дипломатический иммунитет, или, как я проверяла пределы человеческой любви.

Кавапу растут стремительно. Не успела я оглянуться, как превратилась из маленького дрожащего пучка шерсти в солидную, уверенную в себе собаку с роскошной рыжей шубой и кристальной уверенностью в том, что мне дозволено всё.

В этом меня ежедневно убеждали дети. Для Алёны, Алисы и особенно для Саши я никогда не была взрослой собакой. Я оставалась их вечным «маленьким ребенком», уязвимым существом, которое нужно баловать, защищать и отпускать ему любые грехи.

А грехи мои, надо признаться, росли вместе со мной.

С некоторых пор во мне проснулся дух великого исследователя границ. Наш гектар земли — это, конечно, прекрасно, но что такое один гектар для пытливого ума в масштабах мироздания? Правильно, это тесная клетка. И я решила, что

пора заняться внешней политикой нашего района.

План побега разрабатывался ночью под одеялом у Саши в ногах. Утром, когда ворота оказались приоткрытыми ровно настолько, чтобы пролезть носом, я совершила стремительный бросок в неизвестность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.